

КРИТИКА БУРЖУАЗНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О МЕТОДЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ У АМЕРИКАНСКИХ СТРУКТУРАЛИСТОВ

В нашей языковедческой литературе почти нет работ, которые ставили бы целью конкретный лингвистический разбор методов и приемов исследования, применяемых разными направлениями и группировками буржуазной лингвистики, вследствие чего остается невыясненным вопрос о том, допустимо ли в советском языкознании применение тех или других частных приемов исследования, разработанных буржуазными лингвистами, или же, напротив, соответствующие материалы могут быть использованы лишь как иллюстрации при разъяснении а н т и н а у ч н ы х способов трактовки лингвистических явлений, как средство предостережения от ошибок.

Американские структуралисты представляют собой в настоящее время одну из наиболее активных буржуазных лингвистических школ и располагают материальными возможностями, превосходящими возможности их европейских конкурентов. Они оказывают на последних значительное влияние, особенно на тех из них, которые не сумели по тем или иным причинам сплотиться вокруг собственной теоретической программы. Все это дает веские основания для того, чтобы именно этому направлению буржуазной лингвистики уделить серьезное внимание.

В рамках журнальной статьи невозможно конкретно рассмотреть разные стороны деятельности данной лингвистической школы. Как видно из заглавия, имеется в виду строго ограничиться вопросами метода исследования. Общие вопросы будут затрагиваться лишь в той мере, в какой их освещение будет необходимо для выполнения основной задачи¹.

Теоретической основой американского структурализма (или «дескриптивной лингвистики») является «бихевиоризм», «операционализм» или, как ее называет основоположник этой лингвистической школы Леонард Блумфильд, «физикализм» (*physicism*) или «материалистическая (лучше: «механистическая») теория». Существо этой теории заключается в том, что общение при помощи языка понимается лишь как сумма стимулов и реакций, как ряд «причин», вызывающих «эффекты» или «следствия» (*cause and effect sequences*), точно такие же, какие можно наблюдать, например, в физике или химии. То, что в каждой данной ситуации мы не можем точно предсказать, какие именно слова будут выбраны тем или иным лицом для того, чтобы вызвать нужную реакцию у другого лица или лиц, обусловлено не качественным своеобразием речевого общения и возникающих при этом «стимулов» и «реакций», «причин» и «следствий», а лишь тем обстоятельством, что человеческий организм представляет собой настолько сложную структуру, что даже сравнительно незначительное изменение в его состоянии может вызвать большие изменения в характере «реакции».

Обнаружение внутренних закономерностей в речевой деятельности человека, по мнению Блумфильда, было бы возможно только в том случае, если бы мы могли детально ознакомиться с данным организмом на очень ранней стадии его развития,

¹ Поэтому в работе вовсе не затрагивается критика американской школы со стороны представителей различных оттенков «менталистического» направления. Интересующиеся этой стороной вопроса найдут соответствующие материалы у Бонфанте (G. Bonfante, «Encyclopaedia of Philosophy», 838—870, New York Philosophical Library, 1946), Шпитцера (Leo Spitzer, «Modern Language Quarterly», IV, 1943, No. 29), Грея (Louis H. Gray, «Acta Linguistica», V, 2, 1945—1949, 65—72), в очень мягкой форме у Мессинга (Gordon M. Messing, «Language», 1951, 27, 1) и пр.

например, при рождении данного человека или даже до рождения, а затем могли бы вести точный учет всех изменений, происходящих в этом организме, включая все без исключения «стимулы», которым подвергался данный организм. Поскольку это не только практически, но и теоретически невозможно, приходится ограничиваться регистрацией фактически наблюдаемых «реакций», возникающих в различных «ситуациях». При этом оказывается необходимым принципиально отказаться от таких понятий, как «мысль», «образ», «чувство» (feeling), «волеизъявление» (act of will) и т. п., поскольку все эти понятия лишь «популярные термины, употребляемые для обозначения различных телесных движений» (Blo m f i e l d, «Language», стр. 32—33 и 142—143).

Таким образом, мышление оказывается лишь «поведением», двигательной активностью, а речь — лишь одной из форм проявления двигательного или мускульного усилия, вследствие чего мышление вовсе не обязательно должно быть вербальным, но может быть и кинестетическим и висцеральным (т. е. эмоциональным). В этом принципиальном отрыве языка от мышления — теоретические основы антиисторизма рассматриваемой лингвистической школы в трактовке языковых явлений, о чем будет подробно сказано ниже. Вульгарная механистическая, позитивистская философская концепция, лежащая в основе всей системы, приводит к схоластическому «номинализму» уже в собственном лингвистическом исследовании и сближает американских «дескриптивных лингвистов» с так называемой «венской школой» семантиков, отдельные представители которой теперь сблизились с ними также и территориально (имеется в виду деятельность одного из ведущих представителей и популяризаторов «семантики» Р. Карнапа в США). Таким образом, оказываются обеспеченными «научные основы» для того, чтобы «освободиться» от какой-либо связи с объективным реальным миром, от каких-либо проверок своих положений и соотнесения их с действительностью, причем даже сама постановка вопроса о таких проверках или соотнесениях расценивается как «бессмысленная метафизика»².

Посмотрим теперь, каким образом охарактеризованные выше теоретические предпосылки воплощаются американскими «дескриптивными лингвистами» в практике их языковедческой работы. В общих чертах, не входя в детали различных работ и индивидуальных оттенков, принципы лингвистического исследования, принимаемые этой школой, в целом можно суммировать следующим образом.

1. Основной задачей, как видно уже из самого названия направления — «дескриптивная лингвистика», — является разработка «научных методов описания языка». Однако, согласно принципам американского позитивизма и прагматизма, такое описание вовсе не должно стремиться к обнаружению подлинной природы изучаемого явления или явлений, к вскрытию подлинных внутренних закономерностей, существующих в языке. Задача лингвиста сводится к отысканию лишь наиболее «удобных», наиболее «эффективных» способов, посредством которых можно было бы легко и быстро регистрировать материал и составлять парадигмы и ряды³. При этом, оказывается, следует тщательно исключить возможность обращения к истории языка: «Для того чтобы описать язык, не требуется никаких исторических знаний; более того, наблюдатель, который позволил бы таким знаниям повлиять на производимое им синхроническое описание, обязательно исказит полученные им данные» (Б л у м ф и л д, цит. соч., стр. 19—20).

² Подробное изложение и обстоятельную критику «семантического» позитивизма см. в книге М. Корифорта «Наука против идеализма» с предисловием акад. Г. Ф. Александрова (Иноиздат, М., 1948). В этой книге показана «эволюция» реакционного идеалистического позитивизма от Ресселя (основоположника современной «научной» философии «логического анализа», «радикального физикализма» и т. п.) до так называемого «логического позитивизма» Р. Карнапа. Дальнейшее развитие критической мысли Корифорта находим в его труде «В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма» (Иноиздат, М., 1951), также с предисловием акад. Г. Ф. Александрова. См. также сборник статей под общим заглавием «Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма» (Изд. АН СССР, 1951) и статью В. В. Соколова «Позитивизм и прагматизм — реакционная философия англо-американского империализма» («Вопросы философии», № 3, 1951).

³ Соответствующие сентенции встречаются во всех теоретических работах этого направления, например: «Спрашивать, является ли это «правильной» или «верной» транскрипцией, — бессмысленно. Данная транскрипция либо является, либо не является точным перечнем фонем, которые, как мы думаем, наличествуют в данном высказывании, и порядке их следования. А анализ, на котором построена транскрипция, либо соответствует, либо не соответствует заданному нами ряду постулатов». «Мы должны факты прилагать к системе, а не систему привораживать к фактам». «Здравый смысл реагирует на этот анализ как на неправильный, но в терминах принятых у нас способов трактовки морфологических проблем он, повидимому, неадекватен». «Выбирать следует ту формулировку, которая в конце концов окажется наименее простой» и т. д.

2. Описание языка должно производиться в терминах «морфем» и «порядка их расположения» («порядка их следования»), или «морфем и тагмем», или «морфемки и тактики» и т. п. (morphemes and their order, morphemes and tagmemes, morphemics and tactics), так как «значение» имеют не только «морфемы», но и порядок их следования друг за другом (так называемое «конструктивное значение» — constructional meaning). Этот принцип описания, т. е. «морфемы» плюс «порядок их следования», признается одинаково применимым и достаточным для «описания» любого языкового факта, любого комплексного языкового явления, будь то слово (простое, сложное или производное), словосочетание, фразеологическая единица или предложение (как будет видно из приводимого ниже материала, уже сами эти основные языковедческие понятия становятся бессмысленными для «дескриптивного лингвиста»). Качественный анализ сводится к различению «экзо- и эндоцентрических образований» (exocentric and endocentric constructions) и введению понятия «непосредственно составляющих» (immediate constituents). И те и другие оказываются одинаково применимы при анализе самых разнородных лингвистических явлений. «Эндоцентрическими образованиями» называются такие, в которых «тактическая» структура конструкции по существу та же самая, что и структура главного (head) или даже обоих составляющих. У «экзоцентрических» — наоборот. Так, например, eyelet «глазок» является эндоцентрическим образованием, поскольку образование в целом относится к тому же классу, что и главное составляющее (т. е. eye «глаз»). Напротив, образование manish «мужеобразный» будет экзоцентрическим, потому что класс всего образования в целом будет уже другой, чем у главного составляющего, т. е. у man. Также, например, *спустив рукава* в таком «высказывании», как *он работал, спустив рукава, и потому замарал их* было бы эндоцентрическим, а *спустя рукава* в смысле «плохо, небрежно» было бы уже экзоцентрическим соединением вследствие его идиоматичности.

Что касается выделения «непосредственно составляющих», то оно носит чисто эмпирический и механический характер. Так, например, «сложная форма» root John гап авай «бедный Джон убежал прочь» (Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 161) распадается на «непосредственно составляющие» root John и гап авай, которые, являясь в свою очередь «сложными формами», могут дальше подразделяться на «непосредственно составляющие», т. е. root John на root и John (две «морфемы»), а гап авай на гап, представляющее собой «морфему», и авай, которое, в свою очередь, является «сложной формой» и состоит из двух «морфем» — а и way.

Приблизительно соответствующим только что рассмотренному английскому предложению было бы такое русское предложение, как, например, *брат Иван лег набок*, которое «разбиралось» бы таким образом: «непосредственно составляющие»: 1) *брат Иван* и 2) *лег набок*; каждая из этих «непосредственно составляющих» членилась бы дальше: 1) две «непосредственно составляющие» «морфемы» — *брат* и *Иван*; 2) две «непосредственно составляющие» — *лег* и *набок*, — но во втором случае мы имели бы уже не просто две «морфемы», а одну «морфему» — *лег* — и одну «сложную форму» — *набок*, которая в свою очередь состоит из «морфем» — *на* и *бок*. Таким образом, членение на «непосредственно составляющие» может идти «несколькими слоями», но на каждом данном уровне рассматриваются только две «непосредственно составляющих».

Поскольку, как уже было сказано выше, лингвистами рассматриваемого направления не проводится принципиального различия между словом и словосочетанием (соответственно, предложением), анализ по «непосредственно составляющим» одинаково применим как к предложениям, так и к словам. Так, например, хотя слово unfriendlyness состоит из четырех морфем, в нем имеются только две «непосредственно составляющих», а именно unfriendly и ness. Основанием для такого вывода является то, что в английском языке суффикс -ness регулярно присоединяется к прилагательным, в то время как префикс un- нормально не употребляется для изменения значения существительных. В качестве примера анализа на «непосредственно составляющие» для производного слова можно использовать русское *загородный* (следует отметить, что иллюстрация вкладаемых «принципов» на русском материале несколько затрудняется в общем большей сложностью и разветвленностью русского словообразования по сравнению с английским). «Непосредственно составляющими» в этом случае явились бы *загород* и *-ный*, т. е. их опять-таки было бы только две, несмотря на то, что в слове *загородный* выделяется не менее трех значащих частей (даже если отвлечься от более детального анализа и рассматривать *-ный* как один элемент).

3. Как уже было сказано в п. 2, для полного описания языка с точки зрения «дескриптивной лингвистики» достаточно двух понятий — «морфема» и «порядок следования морфем». Таким образом, основной единицей языка (т. е. такой, которой исчерпывается его «материальная ткань») оказывается «морфема», выступающая в одном из своих «альтернативов» (morpheme alternants, morpheme units, morphs). Наиболее широко распространенным среди американских «дескриптивных лингвистов» определением «морфемы» является определение Блумфильда (Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 161): «языковая форма, не связанная частичным фонетико-семантическим сходством ни с какой другой формой» (a linguistic form which bears no partial phonetic-semantic resemblance to any other form). Под «языковой формой» (linguistic form), с другой

стороны, понимается «любое сочетание фонем..., имеющее значение» (any combination of phonemes..., which has a meaning)⁴.

Выделение и описание «морфем» требует разработки правил и принципов, на основании которых должно производиться соответствующее объединение «альтернантов», «морф» и т. п. Наиболее общими правилами «дескриптивной лингвистики» можно считать следующие: для того чтобы «альтернанты» объединялись в одну «морфему», необходимо: 1) чтобы они имели одно и то же значение; 2) не могли бы встречаться в тождественном «лингвистическом окружении» (environment; см. ниже п. 4); 3) чтобы совпадали по «диапазону» (combined environment, range) с диапазоном противопоставляемого им «альтернанта». Так, например, англ. -en и -s (т. е. -z, -s, -iz) множественного числа могут рассматриваться как альтернанты одной морфемы, потому что: 1) они имеют одно и то же значение (т. е. значение множественного числа); 2) никогда не встречаются в тождественном лингвистическом окружении — находятся в отношении «дополнительного распределения» (complementary distribution): по-английски нельзя образовать такое множественное число, как oxes или cownen, а только cows и oxen; 3) по диапазону совпадают с диапазоном противопоставляемого им альтернанта, т. е. нулевой морфемы, выражающей единственное число. Альтернантами одной морфемы оказались бы, следовательно, например, русские -ов (т. е. -ов, безударн. -ъв), -ей и нулевое окончание род. п. мн. ч. мужск. рода, так как все они имеют одно и то же значение (например, *столов, чертей, солдат*); никогда не встречаются в тождественном лингвистическом окружении (поскольку по-русски нельзя сказать *столой* или *чертои*); по диапазону совпадали бы с диапазоном других падежно-числовых форм.

«Альтернацию» (alternation) типа англ. -en, -s, русск. -ов, -ей, «нуль» следует отличать от «альтернации» типа англ. -z, -s -iz, русск. -ов -ъв, так как последняя является «автоматической».

Поскольку, как уже указывалось выше, «дескриптивная лингвистика» не признает качественно различными категориями такие единицы, как слово и морфема, приведенных общих «правил» оказывалось недостаточно, и различным исследователям приходится все время развивать и совершенствовать «методику» описания. Как, например, разоборать по «морфемам» такие «формы», регулярное соотношение между которыми основано на чередовании звуков (например, англ. sing — sang, русск. «неси — носи»)? Одной и той же или разными морфемами являются такие ряды, как англ. read и read; соответственно русск. *три* (числительное) и *три* (повел. накл. от *трети*); англ. run, run, run (соответственно, русск. *лай, лай, лай*) в таких «лингвистических окружениях», как, например, a run in her stocking, they run away, they run that factory (соответственно русск. *ты, собачка, не лай; слышен лай собак и просторечное ты его за это не лай*). Одну и ту же или разные «морфемы» представляют собой, например, англ. board и board (соответственно, русск. *стол и стол*) в таких «окружениях», как the board there was terrible (соответственно, *стол там был ужасный*), т. е. в таких окружениях, в которых нет «объективных» оснований для того, чтобы определить, идет ли речь о предмете мебели или о пище. По мнению Найда (E. A. Nida, The Identification of Morphemes, «Language», 24, IV, 1948), в случае sing — sang «морфему» составляет «замещение» (replacement) i через a; три разные run представляют собой о д н у морфему с развитой системой «представителей» разных классов (with multiple distribution-class membership); a разные board — р а з н ы е морфемы, потому что она не встречаются в разных условиях «лингвистического окружения».

Однако такое решение не является общепринятым. Здесь, как в большинстве сколько-нибудь сложных случаев, т. е. как раз в тех случаях, когда особенно нужна научная методика, «дескриптивная лингвистика» оказывается бессильной предложить общеприемлемое решение. Так, например, англ. men (мн. ч. от man) оказывается, можно рассматривать: 1) как man + s, поскольку в речи оно занимает такое место, которое должно быть занято «рядом» man + s по аналогии, например, с dog-s, boy-s и т. п.; 2) как состоящее из альтернанта «морфемы» man и альтернанта морфемы -s, т. е. нуля; 3) введя понятие «морфемы замещения», как это делает Найда («Language», 24, IV, 1949, стр. 415), можно рассматривать все образование как состоящее из «морфемы» man, «морфемы» men и «морфемы замещения» (a-e). Соответственно с этим, например, русское *лечь* можно было бы тогда рассматривать: 1) как *лечь* + -ть; 2) как состоящее из альтернанта морфемы *лечь* и нулевого альтернанта морфемы -ть; 3) как состоящее из «морфемы» *лечь*, «морфемы» *лечь* и «морфемы замещения» (ок-еч). Характерно, что с точки зрения «научного» «операционализма» все три отъезда

⁴ Само использование понятия «значение» уже является нарушением «научного» позитивистического подхода. «Значение» никак не поддается выведению путем гладких симметрических структур. Интересно отметить, что, хотя ведущие «теоретики» американского структурализма (Harris, Trager) принципиально отрицают возможность «научного» (читай: позитивистского) исследования значения, за последнее время наблюдается некоторое оживление в этой области, см., например, статью Найда «A system for the description of semantic elements», «Word», 7.1.1951.

можно признать одинаково «научными» и предоставить выбор одного из них (или право пользоваться ими всеми вместе или двумя из них по выбору), исходя из «удобства». Поэтому в одном отношении разные лингвисты рассматриваемого направления обычно вполне сходятся: в легкости, с которой они допускают «научную правомерность» любого решения, любого описания, даже нескольких сразу, если это «эффективно», «удобно», ведет к стройности и изяществу системы. «Мы должны их [факты] прилаживать к системе, а не систему принаравливать к ним»; (we must fit them into the system rather than tailoring the system to fit them; указанная работа, стр. 433).

Первое из «объяснений», приводившихся выше для мен, связано с вопросом о так называемых «portmanteau morphs» — особого рода комплексных альтернантах морфем. Наиболее интересный с этой точки зрения случай, к которому неоднократно возвращались разные авторы, — франц. *au* (например, *au règne* «отцу», *au garçon* «мальчику» и т. п.). Тот факт, что при существительном женского рода (или мужского рода, начинающемся с гласной) выражение соответствующего отношения будет разложимо (в виде *à la* и *à l'* в женском роде, *à l'* в мужском), дает основание рассматривать *au* как тактически соответствующее *à le*. Вывод: 1) по Блумфильду: франц. *au* — одна фонема, представляющая два слова; 2) по Хоккету: франц. *au* — морфа, принадлежащая одновременно двум морфемам; 3) по Найда: франц. *au* — случай полного совпадения двух алломорф; иными словами, по мнению этого автора, франц. *au* состоит из двух (о), из которых одно является алломорфой от *à*, а другое алломорфой от *le*: (о) + (о) дают (о), т. е. *au*. Однако применение всех этих объяснений к мен вызывает то возражение, что между *шап* и *мен* имеется явное звуковое сходство, тогда как «настоящее портманто» должно предполагать отсутствие такового.

4. Как можно было уже видеть из сказанного в п. 3, вторая после «морфемы» и последняя, по мнению «дескриптивных лингвистов», лингвистическая категория — «порядок следования морфем» (т. е. *constructional meaning* и т. п.) — реально выступает прежде всего в виде так называемого «лингвистического окружения» (*environment*). Под «лингвистическим окружением» морфемы могут пониматься самые различные, с нашей точки зрения, соотношения. Это могут быть: другие прилегающие к ней морфемы (независимо от фонематической структуры их альтернантов); некоторый «грамматический класс морфем» (*sic!*); специфические фонологические (*phonemic*) формы (*shapes*) окружающих морфем. Так, оказывается, что если взять, например, такой «морфемный ряд» (или «ряд морфем» — *morpheme sequence*), как *he will not* (соответственно, русск. *он не будет*), то можно с одинаковым основанием (по потребности) «говорить»: 1) что *he will not* (соответственно, русск. *он не будет*) встречается в «окружении» глагола (*sic!*), например, *he will not come, he will not arrive* и т. п. (соответственно русск. *он не будет ходить, он не будет ездить* и т. п.); 2) что в ряду, например, *he will not arrive* (соответственно, русск. *он не будет ездить*) «окружением» для нашего «ряда морфем» является «морфема» *arrive* (или, в русском примере, «сложная форма» *ездить*); 3) что если тот же ряд рассматривать как ряд, состоящий из фонем (*phoneme-sequence*), то «окружение» его будет фонема (*a*) (соответственно, русск. *а*).

5. Различия в фонемном составе альтернантов морфем являются предметом «морфофонологии» (*morphophonemics*). Задача морфофонологии заключается в том, чтобы описывать и классифицировать фонемные различия между разными «морфемами» одной «морфемы» и сравнивать их с соответствующими различиями между «морфемами» других «морфем». Таким образом, «описание» всего языка в целом представляется в «дескриптивной лингвистике» как рассмотрение одной за другой всех «морфем» данного языка. Поэтому «морфофонологию» языка можно было бы определить также как всю совокупность описанных таким образом, расклассифицированных и сопоставленных друг с другом различий.

В гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию, четко определяющих место и взаимоотношение всех основных языковых категорий, мы находим твердую научную основу для разбора и критики работ буржуазных лингвистов. Уже из приведенной выше краткой иллюстрации основных «правил», «принципов» и «постулатов» «дескриптивной лингвистики» ясно видна правильность той критики, которая была дана этому направлению акад. В. В. Виноградовым (см. «Вестник высшей школы», № 6, 1951, стр. 7).

Общим пороком лингвистических концепций американского структурализма является неразличение основных лингвистических категорий, в частности, неразличение морфемы, слова и словосочетания как качественно различных явлений. При этом особенное внимание следует обратить на то, что в «морфемах» и «тагмемах» совершенно растворяется слово — основная и важнейшая единица языка, сосредоточивающая в себе все особенности и своеобразие его структуры. Ведь именно слова являются составными частями лексики языка, поскольку все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе словарный состав языка. Вместе с тем слова являются теми единицами

языка, с которыми обязательно имеет дело и грамматика, поскольку грамматика (морфология и синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Сводя язык к «морфемам» и «тагмемам», структуралисты уничтожают возможность изучения стилистических и экспрессивных особенностей слова, научного подхода к вопросам фразеологии. Полностью искажается также представление о тех взаимоотношениях, в которые слова вступают друг с другом по линии словообразования. Естественно, не может даже быть поставлен вопрос об основном словарном фонде и словарном составе языка, о тех сложных связях и взаимопроникновениях, которые существуют между ними, о тех качественных различиях между ними, которые накапливаются и формируются в течение ряда эпох.

Отрицание качественного своеобразия различных элементов языка, нивелировка их, механистическое представление о их соотношении — одна из основных причин, делающих совершенно неприемлемым для советского языкознания то понимание языковой системы, которое типично для современной «дескриптивной лингвистики».

Гениальные языковедческие работы И. В. Сталина показали, что правильно понять природу языка как особого и специфического общественного явления можно, только имея четкое представление об основе языка, составляющей его структуру, сущность его специфики, при условии четкого различения тех элементов и частей языка, которые живут в продолжение ряда эпох и изменяются чрезвычайно медленно, и тех, которые находятся в состоянии почти непрерывного изменения, удовлетворяя непрерывно изменяющиеся потребности общения. Только на основе такого разделения достигается правильное понимание того, каким образом возможно непрерывное изменение языка при сохранении его качества, его специфики и самобытности. Только научное марксистское языкознание может обеспечить правильное понимание закономерностей развития языка в тесной связи с историей говорящего на нем народа.

*

Таковы в кратких чертах те выводы, к которым приводит ознакомление с общетеоретическими положениями «дескриптивной лингвистики». Более благоприятные выводы вряд ли были бы возможны для системы, философской основой которой являются худшие формы современного буржуазного позитивизма и прагматизма. Однако пороки рассматриваемой системы этим далеко не исчерпываются. Философски порочная основа обычно приводит и не может не привести по самой своей природе к тому, что воздвигаемая на ней система частного знания оказывается шаткой и эклектической, органически неспособной к последовательному проведению принимаемых ею идей. Неудивительно поэтому, что «дескриптивные лингвисты» теряют всякую стройность методики, как только они приходят в соприкосновение с конкретным лингвистическим материалом (что, как будет показано ниже, их мало смущает, так как конечным критерием является «удобство» и «эффективность», ради которых можно отказаться от любых принципов или постулатов или соединить любые самые разнородные и принципиально несовместимые принципы и постулаты).

*

Самое большое место в работах американских структуралистов занимают вопросы фонетики. Однако за последнее время быстро развивается методика «дескриптивного» анализа в области морфологии в широком смысле слова и грамматики вообще. (Первоначально это новое направление возникло как распространение на новые объекты методики, разработанной в связи с фонетическими исследованиями.) Поскольку для нас вопросы словообразования и грамматики представляют наибольший интерес, основным содержанием настоящей работы является рассмотрение «дескриптивной» методики именно в этих областях языкознания.

Хотя, казалось бы, всевозможные *tactics, constructional meaning, environment* и т. п. не оставляют места для г р а м м а т и к и, этот термин употребляется не только в книге Блумфильда, но и в работах его последователей. Посмотрим же, какое вкладывается в него содержание.

«Грамматика» определяется Блумфильдом как «значашее расположение форм в языке» (*the meaningful arrangement of forms in a language*; Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 165). Под «расположением» следует понимать, повиначальному, такие весьма различные вещи, как собственно «порядок» (*order*), применение «вторичных фонем» (*secondary phonemes*), под которыми понимаются разнообразные факты ритмико-intonационного порядка (см. Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 91—92), и чередование звуков (*phonetic modification*). К грамматике же относится «выбор форм» (*selection*), представляющий собой нечто вроде классификации слов по частям речи.

Для пояснения того, что следует понимать под «значашим расположением» форм (т. е. под собственно «грамматикой»), Блумфильдом сопоставляются и противопоставляются следующие две английские фразы: *John hit Bill* «Джон ударил Билля» и *Bill*

hit John «Билл ударил Джона», и указывается на ту последовательность, в которой в английском языке «располагаются» «морфемы» при образовании формы английских причастия и герундия: play плюс ing дает playing «играющий» или «играющие», «процесс игры». При этом сообщается, что «формы» Bill John hit и ing play «не являются английскими формами», потому что «наш язык не располагает этих составляющих в таком порядке».

Легко показать, что в приведенных противопоставлениях ярко проявляется полное смешение грамматики с лексикологией и стилистикой. Как показали исследования советских англистов (см. диссертацию В. В. Пассека «История выражения различия между подлежащим и прямым дополнением в английском языке», МГУ, 1951), правила английской грамматики совсем не препятствуют употреблению порядка «прямое дополнение + подлежащее + сказуемое». Такая «форма» является безусловно «английской формой». Поэтому по правилам английской грамматики можно сказать Bill John hit, и понято это может быть только так, что дополнением является слово Bill, а подлежащим — слово John. То же, что для данной пары слов в плане лексическом такой порядок будет избегаться, что он вообще не свойственен разговорному стилю и т. п., относится уже к области лексикологии, лингвистической и т. д., а никак не грамматики. Что же касается утверждения, что якобы «английский язык не располагает «формы» play и ing в порядке ing play», то здесь снова полное недоразумение, основанное все на том же смешении разнообразных лингвистических категорий, неспособности понять природу слова, неумении выделить грамматику как особую лингвистическую дисциплину. Ведь «производное слово и по своей структурной природе и по своей речевой функции неоднородно с словосочетанием и предложением» (акад. В. В. Виноградов, «Вестник высшей школы», 6, 1951, стр. 7). Поэтому «порядок расположения» корневых и аффиксальных морфем в сложном и производном слове никак не может трактоваться вместе с вопросом о грамматической функции порядка слов как средства выражения синтаксических отношений между членами предложения. Слово ing-play структурно вполне возможно в английском языке (точно так же, как в нем не только возможно, но и реально существует, например, слово ing-form). Поэтому здесь вопрос вовсе не в том, что якобы английский язык «не может располагать» тех или других морфем в том или другом «порядке», а в том, какие имеются в английском языке словообразовательные и словоизменительные типы, какова их продуктивность, употребительность и т. п.

Таким образом, в рассмотренных примерах, даваемых Блумфильдом, его анализ практически сводится к решению вопроса о том, каким путем следует обеспечить соответствие расположения морфем данному конкретному смыслу. Ясно, что такой подход делает совершенно необоснованной самую постановку вопроса о грамматике, сущность которой заключается в том, чтобы сформулировать общие правила, общие законы изменения слов и их сочетания в предложениях в отвлечении от конкретности того или другого предложения, в отвлечении от бесконечного многообразия конкретных языковых «ситуаций» и уже, конечно, в отвлечении от их конкретного лексического содержания.

В том же порочном кругу смешения лексических и грамматических явлений находятся и другие части блумфильдовской грамматики. Так, под названием modulation (или secondary phonemes, см. выше) без всякого различия рассматриваются как вопросы интонационного оформления фразы, так и вопросы слогового ударения. Что касается чередования, то никакого различия не делается, например, между чередованием (uw) и (ow) в do not и don't, с одной стороны, и чередованием (juwk — oɔ) в duke и duchess, с другой, т. е. между полной и краткой формами отрицания в аналитической грамматической форме (различающимися, кстати сказать, только стилистически) и двумя разными словами, связанными по корню.

Что касается упоминавшегося уже выше «выбора» (selection), то эта «грамматическая категория» сводится практически к серии тавтологических объяснений. Так, например, оказывается, что «форма» John относится к «формальному классу мужских личных имен» (class of male personal nouns), потому что она имеет это значение. Однако это значение она имеет (и это видно из соответствующих видов «расположения» — arrangement) потому, что она принадлежит к данному «формальному классу». Или, например, слово duke «герцог» относится к тому же «формальному классу», что и count «граф», prince «принц», lion «лев», tiger «тигр», author «автор» и waiter «официант» (в отличие, например, от man «мужчина», boy «мальчик», dog «собака» и т. п.), потому, что слово duchess «герцогиня» образуется подобно словам countess «графиня», lioness «львица», princess «принцесса», tigress «тигрица», authoress «женщина-автор» и waitress «официантка», т. е. с суффиксом -ess (в отличие, например, от woman «женщина», girl «девочка» и т. п.). Однако слово duchess «герцогиня», оказывается, образуется таким именно образом, а не как-нибудь иначе потому, что слово duke «герцог» принадлежит к данному формальному классу» (т. е. классу, в который входят count, prince, lion, tiger, author и waiter).

В качестве примера того, как преломляются грамматические понятия в умах по-

следователей Блумфильда, приведем следующее замечание Зеллиг С. Харриса (Zellig S. Harris, *Componential Analysis of a Hebrew Paradigm, «Language», 24, 1, 1948*). «Противопоставляемые друг другу морфемы, — говорит Харрис, — часто располагаются по парадигмам, а различные перекрещивающиеся соотношения между морфемами данной парадигмы называются категориями... Наличие этих категорий — неприятное дело для структуральной лингвистики, которая полезнее всего тогда, когда она может определять все в терминах некоторого инвентаря элементов (фонем, морфем), из которых все занимают совершенно одинаковое положение (which are all on a par with each other)... Важное различие между выполнением традиционных морфем и выделением этих категорий состоит в том, что категории не поддаются легкому распознаванию в высказывании как состоящие из определенных фонем». Однако подобного рода сомнения редко возникают у «дескриптивных лингвистов». Поэтому, например, Хоккет (Charles Hockett, *Problems of Morphemic Analysis, «Language», 23, 1947*), ничтоже сумяшеся, объявляет англ. *my* состоящим из *I + -s*, *her* из *she + -s* (соответственно, русск. *меня* и *мне* «анализировались» бы на основе этой методики как *я + -a, -и*; и *я + -у, -е* и т. п.). «Теоретической основой» для подобных упражнений является то, что англ. *I* (соответственно, русск. *я*), *me* (соответственно, русск. *меня*), *my*, *mine* (соответственно, русск. *мой, -и, -е*) «тактически» параллельны таким «морфемам», как *John*, *Bill* и т. п. (соответственно, русск. *Иван, Марья* и т. д.), в различных их употреблениях, так как, например, *John came* «Иван пришел», *Bill saw John* «Билл увидел Ивана», *John's book* «книга Ивана», the book is *John's* «это книга Ивана» и т. п. «параллельны» *I came* «я пришел», *Bill saw me* «Билл увидел меня», *my book* «моя книга», the book is *mine* «книга моя» и т. п. Следовательно, если, например, *John's* состоит из двух морфем (т. е. *John + -s*, соответственно, *Иван + -a*), то из двух же «морфем» состоит *me*, например, *my* (*мой, моя*), т. е. из *I + -s* (*я + -a, -и*), вопреки невозможности обнаружить в их составе соответствующие фонематически делимые элементы.

Из приведенного рассуждения делается вывод об отсутствии оснований для того, чтобы предполагать наличие падежей в английском языке, ибо всякое различие между, например, падежами субъекта и объекта исчезает с того момента, как выясняется, например, принадлежность *I* и *me* к одной «морфеме». Форма же с *-s* так и должна объясняться: как форма с добавлением *-s*; *-s* просто еще одна морфема, обладающая поддающимся описанию диапазоном позиций.

То, что изложенная концепция совершенно не соответствует реальным фактам английского языка, а является лишь плодом негодной, надуманной позитивистской методики, ясно уже из самого рассуждения автора. Ведь совершенно естественно напрашивается вопрос: откуда автор мог заключить о сходстве или даже тождестве, например, *my* и *mine* с чем-то совершенно непохожим фонематически? Каким образом оказывается возможным соотношение Джона и Билля то с *I*, то с *me*? Ясно, что только потому, что категория падежа реально существует в английском языке. А поскольку она существует, она и воспринимается пользующимися этим языком путем невольного и естественного соотношения тех слов, в которых она оказывается выраженной. То же, что предлагает Хоккет, имеет своей философской основой идеалистическое представление о категориях и научных абстракциях, как о чем-то извне вносимом в реальную действительность, как о чем-то являющемся априорным и производимым порождением человеческого интеллекта и поэтому, по воле последнего, могущим быть применимым к данным явлениям действительности или отброшенным. На самом же деле категории, научные абстракции и т. п. есть лишь отвлеченные от бесконечного многообразия реальной действительности некоторые общие черты, общих закономерностей, поддающихся формулированию и представлению в форме соответствующих научных понятий.

Теоретической основой «дескриптивной лингвистики» в вопросах словообразования являются: 1) упоминавшееся уже выше понятие «непосредственно-составляющих» (*immediate constituents*), которое, в соответствии с общей системой неразличения слова и словосочетания, грамматики и лексикологии, оказывается одинаково пригодным для трактовки качественно совершенно различных языковых явлений; 2) понятие «эндоцентричности» и «экзоцентричности» образования и 3) понятие «свободной» и «связанной» формы (*free и bound form*), которое также не является понятием, специально присвоенным данной области языкознания, однако имеет для последней особенно важное значение. Под «свободной формой» понимается «такая частица (высказывания), которая может быть сказана отдельно и иметь при этом значение в нормальном высказывании»; под «связанной» — «частица, никогда не выступающая сама по себе со значением» (*a fraction that never appears by itself with meaning*); или иначе: «формы, которые выступают в качестве предложений — свободные формы... связанные формы никогда не употребляются как предложения» (*forms which occur as sentences are free forms... bound forms are never used as sentences*). Таким образом, с точки зрения деления на «свободные» и «связанные» формы окажется, что в *unfriendliness* только *friend* является «свободной формой», потому что все аффиксы (пользуясь общепринятым тер-

мином, а не понятиями «дескриптивной лингвистики») являются формами «связанными».

Из сказанного ясно, что и в той области языкознания, которую мы называем словообразованием, «дескриптивная лингвистика» стремится провести свои «общие принципы», т. е. свести дело к «морфемам и порядку их расположения». Вместе с тем она оказывается не в состоянии выдержать эти принципы, последовательно провести их. Так, хотя теоретически отрицается необходимость выделения каких бы то ни было категорий, кроме «морфемы» и «порядка расположения морфем», т. е. хотя о таком понятии, как *с л о в о*, в теоретической части не только ничего не говорится, но для него не остается места, фактически «дескриптивные лингвисты» продолжают применять этот термин. В частности, общепринятым у «дескриптивных лингвистов» является следующий критерий для выделения «слова» из потока морфем: если в составе данной «сложной формы» имеется хотя бы одна «связанная форма», то такая «сложная форма» является «словом». Согласно этому определению, «словами» оказываются не только английское *the boy's*, т. е. определенный артикль плюс существительное в притяжательном падеже, выражаемое суффиксом *-s*, но и *the King of England's* «короля Англии», конструкция из артикля, двух существительных и предлога *of*. Вместе с тем сложное прилагательное *devil-may-care* «бесшабашный» оказывается *с л о в о м*, потому что в его состав входит «связанная форма» (по-нашему — суффикс) *-ish*; синонимичное же с ним сложное прилагательное *devil-may-care*, согласно данному критерию, оказывается не словом, потому что оно состоит из «свободных форм» (яв самым делом — из корневых морфем, т. е. без присутствия морфем аффиксальных). Однако, как мы увидим ниже, по другому «правилу» и *devil-may-care* тоже можно назвать «словом».

Последний пример приводит нас к вопросу о соотношении слова и основы слова, который трактуется всеми представителями рассматриваемого направления в плане все того же неразличения, смешения основных лингвистических понятий. Так, в известном «Outline of linguistic analysis», написанном нынешним главой рассматриваемого направления Бернардом Блоком (в соавторстве с известным «теоретиком» «дескриптивной лингвистики» — Треджером), сложное слово определяется как «слово, полностью состоящее из более мелких слов» (*a word made up wholly of smaller words*, стр. 54). Поскольку *с л о в о* (*word*) вообще определяется этими же авторами как «минимальная свободная форма» (*minimum free form*), т. е. такая «форма», «которая может употребляться самостоятельно со значением в речи» (см. выше) и вместе с тем не способна разлагаться целиком на более мелкие «свободные формы», то ничего нет удивительного в том, что в работах данного направления вновь и вновь выступают как «слова», например, *friend* в *friendly*, *man* в *mannish* и т. п., т. е. соответственно «словами» оказались бы, например, *груз* в *грузинский*, *вес* в *веселый* и т. п. Единственным аргументом для этого воззрения является опять же «удобство». Приведенное понимание оказывается «удобным», а поскольку оно «удобно», то оно вполне уживается с тем определением слова, которое мы приводили выше, а именно «наличие в составе данной «сложной формы» хотя бы одной «связанной формы». Следует отметить, между прочим, что неразличение слова и основы, слова и корневой морфемы — порок, свойственный многим буржуазным лингвистам и, во всяком случае, в области английского языкознания, получивший значительное распространение и у нас в период господства «нового учения» о языке. «Заслуга» «дескриптивной лингвистики» заключается в том, что этому пониманию соотношения слова и части слова придается наукообразный вид.

Итак, «словами» называются и «сложные формы, имеющие в своем составе хотя бы одну «связанную форму», и «сложные формы, полностью состоящие из более мелких слов», и «минимальные свободные формы». Уже из этих противоречивых определений (получается, что «словом» можно называть как «сложную форму», имеющую в своем составе хотя бы одну «связанную форму», так и не имеющую таковой, т. е. состоящую полностью из более мелких слов, т. е. «минимальных свободных форм») явствует, что здесь «слово» употребляется произвольно, неправильно, научно не терминированно. А ведь пользоваться научным лингвистическим термином, особенно если претендовать на создание научной теории, имеет смысл только в том случае, если за ним стоит определенное языковедческое понятие, отличное от понятий, выражаемых другими языковедческими терминами. Ничего подобного мы у представителей «дескриптивной лингвистики» не находим. Употребление термина «слово» у них выступает лишь как еще один пример той непоследовательности и эклектичности, о которых уже говорилось выше и которые неизбежно возникают при попытке построить систему частного знания на негодной философской основе.

Подлинный смысл термин «слово» приобрел только теперь, т. е. после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, когда стало ясно и понятное место слова в общей системе языка. В трудах И. В. Сталина дана твердая общетеоретическая основа для понимания слова как основной единицы языка, выступающей в единстве своих грамматических форм; цельной и монолитной смысловой структуры, единой во всем многообразии своих лексико-фразеологических, стилистических, фонетических и прочих вариантов, обладающей неповторимыми, ей только свойственными своеобразными чертами.

Огромное значение для понимания места, занимаемого словарем, словарным составом языка, имеет принципиально новое учение о словарном составе языка и его основном словарном фонде, созданное И. В. Сталиным. Теперь стало вполне ясно, что словарный состав языка может непрерывно изменяться, непосредственно реагируя на все изменения в жизни и деятельности людей, не разрушая языка, не внося анархии и неразберихи в его систему, потому что он опирается во всех своих изменениях на основной словарный фонд, отличающийся огромной устойчивостью, живущий в течение ряда эпох, входящий в структуру языка, изменяющийся очень медленно, путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, путем постепенного отрицания элементов старого качества. В основном словарном фонде хранятся и удерживаются важнейшие корневые элементы; он же дает и все основные словообразовательные типы, на базе которых удовлетворяются новые потребности общения. Устойчивость основного словарного фонда — залог того, что новые слова, входящие в словарный состав языка, оформляются в соответствии с внутренними законами данного языка, что они становятся реальными словами именно данного языка. Основной словарный фонд как бы регулирует все процессы, связанные с непрерывным изменением словарного состава, приводит непрерывно осуществляющееся изменение в соответствие с определенной языковой структурой. Таким образом, слова основного словарного фонда дают базу для образования новых слов. У «дескриптивных» же лингвистов получается, что производные и сложные слова включают в себя соответствующие основные слова как таковые.

В нелепости такого понимания легко убедиться, взяв любое производное или сложное слово и сравнив его с теми словами основного словарного фонда, на базе которых оно возникло. В самом деле, например, слова *вода, земля, рыба, гора, лес* как слова обнаруживают богатство лексико-фразеологических форм, богатство экспрессивных вариантов, входят в состав разнообразных фразеологических единиц и т. п. (в чем легко убедиться, посмотрев соответствующие слова в толковом словаре русского языка). Если же посмотреть в словаре те производные и сложные слова, в которые входят соответствующие основы (т. е. такие слова, как, например, *водяной, землетрясение, рыболовство* и т. п.; как известно, таких производных и сложных слов в русском языке очень много), то также легко убедиться в том, что соответствующие основы входят в соответствующие производные слова либо в самом общем и нейтральном, либо в ограниченном и специализированном виде, а собственно «словесные» (т. е. свойственные слову) особенности грамматического, фразеологического, экспрессивного и т. п. характера имеют уже новые слова, у которых данное соединение всех этих собственно «словесных» качеств оказывается специфическим и свойственным им только в данном своеобразном виде. Ясно, что то обстоятельство, что в русском языке основы соединяются с прочими словообразовательными элементами в общем более разнообразными способами, чем в английском, ни в какой степени не меняет существа дела.

*

Хотя основной задачей «дескриптивной лингвистики» является выработка синхронического метода описания языка, понятие «диахронии» не является чуждым языковедам этого направления. Для того чтобы представить себе, каким образом в их системе сочетаются эти два понятия, как «дескриптивные лингвисты» мыслят соотношение и взаимозависимость этих двух видов подхода к языку, остановимся на весьма интересных с этой точки зрения соображениях, приводимых одним из видных «теоретиков» данного направления Чарльзом Ф. Хоккетом в связи с разбором работ Леонарда Блумфильда, посвященных алгонкинским языкам. По мнению Хоккета, «для приступающего к работе в области языкознания ознакомление с алгонкинскими исследованиями Блумфильда является самым совершенным путем для приближения к лучшему, что имеется в методике языковедческого исследования».

По мнению Хоккета, методологической заслугой Блумфильда является то, что он сумел в «одной сложной картине» представить следующие аспекты алгонкинских языков: 1) дать краткий синхронический очерк грамматики еще существующих алгонкинских языков (т. е. фокс, кри, меномини и оджибве); 2) дать краткий синхронический очерк алгонкинского праязыка; 3) дать «противопоставительный» (contrastive) анализ четырех современных языков и праязыка; 4) дать очерк диахронического анализа от праязыка к каждому из современных языков и 5) дать демонстрацию применения сравнительного метода к данным современных языков для восстановления праязыка. Таким образом, получается, что американская «дескриптивная лингвистика» не только признает правомерность «диахронического» (исторического) подхода к языку, но и применение сравнительно-исторического метода, причем вовсе не только к языкам индоевропейской семьи (что с пеной у рта утверждали «ученики» и последователи Н. Я. Марра). Более того: делается попытка тщательно разграничить, с одной стороны, синхронический, диахронический и противопоставительный анализ или исследование (synchronic, diachronic and contrastive analysis or study), контактный, филологический и сравнительный методы (contact, philological and com-

parative methods) — с другой. Разница между тремя методами состоит в том, что «контактный» метод заключается в непосредственном наблюдении над говорящими; «филологический» метод — в интерпретации письменных памятников (записей — *ge-cords*); «сравнительный» — в обратной экстраполяции на основе наиболее ранних из имеющихся данных по двум или более диалектам или языкам, которые «кажутся» родственными.

Не зная алгонкинских языков, мы лишены возможности разобраться в тех результатах, которые были достигнуты Блумфильдом и получили такую высокую оценку у его ученика. Однако те материалы, которые разработаны методами «дескриптивной лингвистики» по известным нам языкам, вместе со знанием общих правил и принципов, также как и высказывания Хоккета уже по данной конкретной работе заставляют нас думать, что, несмотря на якобы преодоленную односторонность подхода к языковым явлениям (т. е. якобы применение метода всестороннего и комплексного анализа изучаемых явлений во всей их полноте и многообразии), метод «дескриптивной лингвистики» оказывается негодным даже и тогда, когда он находится в руках ее наиболее талантливых представителей. Уже приведенного выше перечня разделов алгонкинской книги Блумфильда достаточно для того, чтобы убедиться в механическом характере сосращения синхронического и диахронического (именно таким он и представляется, между прочим, Хоккету, который говорит о «ценности смешанного синхронического и диахронического обсуждения»), причем в подобного рода смешанных обсуждениях приоритет всегда остается за синхроническим анализом.

Таким образом, «разные подходы» оказываются разъединяемыми и смешиваемыми, каждый выступает отдельно от других между ними устанавливается определенная последовательность. Поскольку же принципы «синхронического» исследования, на которых основываются «дескриптивные лингвисты», оказываются явно научно несостоятельными, то вполне естественно представляется вывод, что и все остальные способы трактовки явлений языка, поскольку все они предполагают предварительное «синхроническое» описание, не могут дать таких результатов, которые удовлетворяли бы требованиям науки.

В связи со сказанным необходимо подчеркнуть то, что когда «дескриптивные лингвисты» говорят о синхроническом описании языка, то они всегда имеют в виду описание статическое. Всегда получается так, что основная цель исследователя состоит в том, чтобы прежде всего умертвить, заморозить, сделать неподвижным сам исследуемый предмет — язык, превратить его в мумию путем беспощадного применения тех аналитических процедур, которых требует их методика. Если этим методом (а никакого другого на доступном нам материале в работах данного направления мы не видели) были получены «краткие синхронические очерки» живых алгонкинских языков и их праязыка, то вряд ли какую-либо реальную лингвистическую ценность, особенно в методологическом отношении, могут представлять и соответствующие «диахронические очерки»: максимум достижимого для данной методики — это виртуозность в сведении кощов с концами, искусство в применении заранее выдвинутых постулатов.

Вопрос о сравнительно-историческом методе в языкознании требует особого рассмотрения, поскольку этот метод переживает сейчас в буржуазной лингвистике своего рода кризис, в связи с чем целый ряд очень сложных вопросов требует нового и детального рассмотрения. В усовершенствовании и развитии сравнительно-исторического метода в языкознании ведущее место должно будет занять советское языкознание, развивающееся на основе гениальных языковедческих трудов И. В. Сталина. Поскольку в настоящее время намечается лишь общее направление тех исследований, которые будут посвящены этой важной области языкознания, в рамках настоящего обзора мы можем лишь в самом общем виде затронуть вопрос о том, каким образом может быть обеспечено единство истолкования лингвистических явлений одновременно в отношении и частей описываемого целого друг к другу и в их движении, развитии. Как учит И. В. Сталин, язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии непрерывного изменения, непосредственно отражая все новые и новые потребности данного человеческого коллектива, возникающие у него в связи с ростом промышленности и сельского хозяйства, транспорта и торговли, техники и науки, которые требуют от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. Отражая эти нужды, язык пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй. Для того чтобы язык мог успешно выполнять эти свои функции, необходимо, чтобы на каждом данном этапе развития языка все время выделялись элементы продуктивные, т. е. такие, которые могут вновь и вновь применяться для образования новых слов и выражений, для построения более сложной или специальной научной мысли. Вместе с тем другие элементы, ранее бывшие продуктивными, могут постепенно оказаться неудобными для удовлетворения специфических потребностей той или иной эпохи в развитии общества.

Такие элементы не исчезают внезапно, — поскольку язык вообще не знает взрывов и внезапных изменений. Они остаются понятными и способными служить для общения

людей и обмена мыслями, но они оказываются уже непригодными для того, чтобы выступать в качестве образца для новых образований, не могут уже являться непосредственной основой для дальнейшего развития языка. Поэтому научное описание языка, т. е. описание языка, основанное на применении марксистского диалектического метода, не может обойтись без того, чтобы не регистрировать таких уже собственно «диахронических» фактов языка. Научное описание языка не может обойтись без того, чтобы не указать на различия, наблюдающиеся в продуктивности тех или иных языковых средств, без того, чтобы не указать, куда «напряжено» данное «синхроническое» состояние, в каком направлении идет, куда направляется развитие данного языкового явления. Вместе с тем научное описание требует от исследователя умения показать, что то или иное явление (или языковое средство), хотя оно и широко употребляется, всем понятно и занимает важное место в языковом общении, уже утратило свою продуктивность, не является более живым и способным к воспроизводству, выходит уже из разряда продуктивных явлений, готово уступить место другим языковым средствам.

Мы далеки от того, чтобы недооценивать изучение и описание языковых структур как «одновременных» систем. Лингвист не может не стремиться раскрыть то соотношение разных частей в языке, которое дает языку возможность обслуживать общество в качестве средства общения людей, в качестве средства обмена мыслями в обществе, в качестве средства, дающего людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности. Поэтому «синхроническое» исследование языка следует всесторонне развивать и совершенствовать. Однако большая ошибка думать, что задача такого исследования заключается в том, чтобы во что бы то ни стало «резать» все и вся, резать по живому месту и не во имя проникновения в подлинную природу изучаемого явления, а лишь для того, чтобы получилось складно, чтобы сошлись концы с концами, чтобы можно было все ловко и гладко «описать». Ведь в каждом языке, наряду с четко выделяющимися «правильными» способами соединения элементов и построения речи, непременно имеются такие, которые уже как бы переходят в область собственного словаря, не поддаются на данном этапе развития языка анализу и разложению. Вместе с тем на каждом этапе развития языка всегда имеются факты и явления, которые только еще ассимилируются данным языком, только подводятся еще под его основные правила и образцы. Поэтому «дескриптивная лингвистика» с ее механическим представлением о взаимоотношении языковых элементов ставит себе задачи, научно совершенно невыполнимые. Единственно, чего можно достичь таким путем — это искаженного представления как об отдельных частных явлениях, так и об их отношении к другим явлениям, о их месте в языке в целом.

Из всего сказанного представляется необходимым сделать следующий уже более общий вывод: понимание «синхронического» анализа как статического способа рассмотрения языковых явлений вообще неприемлемо для советского языкознания. Советский языковед, описывая язык, должен пользоваться лишь таким методом описания, который обеспечивал бы ему одновременное рассмотрение предмета как в его отношении к другим частям той структуры, частью которой он является, так и в его движении. «Синхрония» для нас не может быть отделена от «диахронии», она неразрывно связана с ней, составляет ее часть. Только такой подход может дать возможность выяснить особенности функционирования разных элементов в пределах одного языка, показать, каким образом эти разные элементы служат все вместе для общения людей между собой; на что следует обратить внимание, чтобы лучше овладеть изучаемым языком; что необходимо для того, чтобы лучше отточить, сделать наиболее совершенным то важнейшее средство общения, обмена мыслями и оформления их, которым является язык; какие нужно выявить тончайшие оттенки в том или другом средстве или его разновидности для того, чтобы научить людей еще более тонко, искусно и умело им пользоваться. Пример именно такого подхода к описанию языка мы находим в работах ведущих советских языковедов.

До того чтобы на основе тех образцов описания языка, которые мы находим в работах ведущих советских языковедов, можно было создать описательный метод, как особый научный метод языкознания, советским языковедам предстоит проделать еще большую работу. Ведь научный метод предполагает возможность использования его для научных выводов и обобщений. Описательный метод в языкознании должен показывать нам, как на базе изучения структуры языка возможно объяснение таких явлений, которые сами по себе, отдельно взятые, объяснению не поддаются. Поэтому научно разработанный описательный метод должен включать в себя целый ряд конкретных правил и приемов для того, чтобы на базе изучения отношений элементов в языке можно было делать выводы и обобщения также и о характере его развития, чтобы можно было проникать в подлинное существо направления его движения.

*

Как мы отмечали уже выше, «дескриптивные лингвисты» не в состоянии избежать противоречий в своих построениях, которые сплошь да рядом оказываются лишь смесью весьма хитрых названий с весьма примитивно пони-

маемыми и часто неправильно употребляемыми понятиями и терминами старой лингвистики. В настоящей части работы, имеющей целью выяснить соотношения «синхронии» и «диахронии» в построениях рассматриваемого направления, представляется небезинтересным привести некоторые примеры того, как лингвисты этой школы оказываются не в состоянии выдержать на практике провозглашенные ими принципы статического синхронического анализа, «вполне свободного от каких-либо исторических предубеждений и дающего возможность исследователю видеть факты современного языка в их подлинном неискаженном виде». В результате — полная путаница и уже полное теоретическое бессилие.

Весьма наглядно несостоятельность «структуралистических» взглядов на соотношение синхронии и диахронии проявляется в трактовке вопросов морфологии словообразования. Несмотря на то, что на словах все время подчеркивается, что «дескриптивный лингвист» не может понимать словообразование как процесс, а только как отношение, на чем настаивал еще Блумфильд в своей основной книге, вновь и вновь поднимается вопрос о том, а не является ли более «удобным» выделять какую-то форму как «основную» (basic), как лежащую в основе данного сложного образования (the underlying form). Именно так решают вопрос Блок и Треджер в цитированной работе. Как в теоретической части работы (стр. 62), так и в образце морфологического анализа прилагательных на -ous они безоговорочно вводят понятие «исходного слова» (the underlying word), от которого производятся (are derived) другие члены данного словообразовательного ряда. Так, например, в случае man: manly: manhood сообщается, что последние два слова (т. е. manly и manhood) произведены от основного слова man посредством суффиксов -ly и -hood.

В том же «динамическом» плане строится рассуждение, когда, например, образование barbarous «варварский» от barbarian «варвар» объясняется как отбрасывание конечного (-ien), замена гласного сильноударного слога безударным (e) и присоединение нового суффикса. Таким образом, явно нарушаются основные теоретические постулаты, и не только теоретические, но и совершенно конкретные установки основателя школы Блумфильда.

Совершенно непреодолимые затруднения для «дескриптивной лингвистики» представляет «объяснение» чередования звуков как в области словообразования, так и в области словоизменения. Вкратце дело сводится к тому, как описать чередование не в виде «процесса», поскольку с точки зрения «статического» воззрения «дескриптивной лингвистики» такое описание вообще является научно неоправданным и недопустимым. Поэтому, например, в таких случаях, как sing — sang, man — men и т. п., следует говорить не о чередовании как средстве выражения соответствующих значений, а рассматривать приведенные пары как альтернанты соответствующих морфем, а выражение соответствующих значений (в приведенных случаях — прошедшего времени и множественного числа) приписывать и у д е л ы м альтернантам морфем, (-d) и (-z) (обычно образующих прошедшее время и множественное число, соответственно). Хотя Блок в своих грамматических работах и настаивает именно на только что приведенном понимании (расходясь в этом отношении с некоторыми более «либеральными» исследователями, вроде Найда, по мнению которого именно «замещение гласного», а не нулевая морфема, должно в таких случаях считаться «структурно-значащей особенностью»), в лексикологических рассуждениях, развиваемых в «Outline of linguistic analysis», воззрение на явления чередования оказывается уже явно «динамическим».

Тут уже дело сводится только к следующему: какое из двух слов, например, в «парадигме» sing: song является основным и какое производным. Ответ: поскольку слово song является грамматически правильным образованием, т. е. образует формы множественного числа и притяжательного падежа по общему правилу, а sing является «неправильным», то «мы находим «удобным» при «дескриптивной характеристике» языка «сказать, что здесь имя произведено от глагола». В случае же «частичной парадигмы» man: to man из тех же соображений будем «говорить», что, наоборот, г л а г о л произведен от имени. В таких же случаях, как, например, hand: to hand, т. е. когда уже оба образования оказываются «правильными», выбор «основной формы» должен определяться только у д о б ы т о м: предпочтение следует ту формулировку, которая окажется проще» (стр. 62).

Если антиисторизм, разрыв между «синхроническим» и «диахроническим» изучением языковых явлений вообще недопустим во всех областях языкознания, то особенно это относится к области лексикологии вообще, словообразования, в частности. Ведь лексика, словарный состав, является в целом наиболее подвижной и изменчивой частью языка. Именно за счет изменений в первую очередь в словарном составе происходит непосредственное удовлетворение изменяющихся потребностей общественной жизни, производства, техники, науки. Новые слова возникают тогда, когда в них появляется потребность. Упомянутый выше глагол to man, например, о котором Блок и Треджер рассуждают в совершенно абстрактном, оторванном от всякой реальности виде, вообще не мог бы возникнуть, т. е. не был бы образован от соответствующей именной основы, если бы для его возникновения не было реальных

исторических предпосылок, без изучения и понимания которых невозможно и подлинное проникновение в природу языкового факта. Хотя глагол *to man* и имеет правильно образующиеся формы, появился он в английском языке очень давно (уже в древнеанглийский период существовал глагол *manian*). Это свидетельствует о том, что уже тогда имелись реальные основания для того, чтобы именно этому понятию оформиться в виде отдельного слова (ведь не возникло же, например, глагола *wifmanian*). Как известно из истории развития английской лексики, дальнейшее изменение в значении этого слова — употребление его в применении к женщинам, например, *the ship was manned by girls* «корабль обслуживался женской командой» — связано с тем обстоятельством, что для работ, прежде выполнявшихся только мужчинами (*men*), стали привлекаться и женщины. Поэтому динамическое изучение лексики, если имеется в виду действительно научное ее изучение, совершенно невозможно в отрыве от истории народа, говорящего на данном языке. Нельзя определить, — если, конечно, имеется в виду обнаружение истины, а не «удобство», — «что от чего произошло» и какая форма является основной, а какая производной, если в принцип возводится полный отрыв языка не только от истории говорящих на нем людей, но и от его внутренней истории, истории развития его самого, эволюции его внутренних закономерностей.

Таким образом, «дескриптивная лингвистика» с самого начала пресекает возможность даже постановки вопроса об изучении языка в связи с историей народа — его творца и носителя. Поэтому язык оказывается механической условной системой, лишенной национальной самобытности. Он может смешиваться и скрещиваться с чем угодно, его изменения ничем не сдерживаются и не направляются. При таком понимании нет ничего удивительного в том, что языкознание оказывается практически сведенным к механическому нарезыванию и складыванию кусков, подобных детским разрезным кубикам.

*

Разбор материала и соображения, высказанные по ходу изложения, дают однозначный ответ на вопрос, поставленный в самом начале работы. Методы исследования, разработанные американскими структуралистами, не могут найти себе применения в советском языкознании. Изучение соответствующих работ нужно и важно для раскрытия их подлинной сущности, для разъяснения их антинаучного характера, как средство предостережения от ошибок.

Буржуазный идеализм не хочет сходить со сцены. Чтобы удержать свои все более слабеющие позиции, он облачает свои построения в хитрые и запутанные «новой» терминологией формы, преподносит их как «новейшие достижения науки», преодолевая старые «метафизические» представления. Общий путь борьбы со всеми подобными хитросплетениями для работников всех специальных научных областей указан В. И. Лениным в его знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм». В нашей науке всем ухищрениям и вывертам современных буржуазных позитивистов неизбежно противостоит законченная система марксистского языкознания, созданная И. В. Сталиным.

О. С. Ахманова